

5. Press V. Herzog Ulrich (1498–1550) // 900 Jahre Haus Wuerttemberg. Leben und Leistung fuer Land und Volk. Stuttgart, 1984.
6. Press V. Ein Epochejahr der Wuerttembergischen Geschichte. Restitution und Reformation 1534 // Zeitschrift fuer Wuerttembergische Landesgeschichte. 1988. № 47.
7. Сказкин С.Д. Франция первой половины XVI века // История Франции. М., 1972. Т. 1.
8. Элиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования: В 2 т. М.; СПб., 2001. Т. 2.
9. Тьерри О. Опыт истории происхождения и успехов третьего сословия // Тьерри О. Избр. соч. М., 1937.
10. Мишле Ж. Реформа. Из истории Франции 16 столетия. СПб., 1862.
11. Николаева И.Ю. Проблема методологического синтеза и верификации в свете современных концепций бессознательного. Томск, 2005.
12. Лампрехт К. История немецкого народа. М., 1896. Т. 3.
13. Лампрехт К. История немецкого народа. М., 1895. Т. 2.
14. Таценко Т.Н. Немецкое дворянство в XVI веке // Европейское дворянство XVI–XVII вв.: границы сословия. М., 1997.
15. Frasch W. Ein Mann namen Ulrich. Wuerttembergs verehrter und gehasster Herzog in seiner Zeit. Leinfelden-Echterginger, 1991.
16. Элиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования: в 2 т. М.; СПб., 2001. Т. 1.
17. Boger E.F. Geschichte der freiherrlichen Familie Thumb von Neuburg. 1885.

УДК 93/99

В.К. Шкуркина

ХОЗЯЙСТВО АМЕРИКАНСКИХ ФЕРМЕРОВ СРЕДНЕГО ЗАПАДА И ПРИПИСНЫХ КРЕСТЬЯН АЛТАЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА: ВОЗМОЖНОСТИ СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОГО ПОДХОДА

Томский государственный педагогический университет

Последнее десятилетие в исторической науке идет активное изучение возможностей сравнительно-исторического подхода. В 1991 г. в Москве вышел сборник статей американских и российских историков «Аграрная эволюция России и США в XIX – нач. XX вв.». Он заложил основу для выхода на ряд крупных проблем историко-сравнительного и теоретико-методологического характера. Поскольку работы представляли отдельные срезы аграрной истории обоих государств вне сравнительно-исторических параллелей, во вводной статье «Аграрная эволюция в историко-сравнительной перспективе» академик И.Д. Ковальченко отметил: «Создание подлинно сравнительной истории России и США, включая проблемы аграрной эволюции, видимо одна из наиболее притягательных задач последующих исследований» [1, с. 13]. Положительный опыт проведения сравнительно-исторических исследований среди американских историков уже есть. В конце 1980-х гг. вышла работа Питера Колчина «Подневольный труд. Американское рабство и русское крепостничество» [2].

Инициативу проведения «подлинно сравнительных историй» в России взяли на себя историки-сибиреведы. В Томске и Новосибирске было опубликовано несколько сборников научных статей на тему сибирского и американского фронтиров. Первые шаги не только открыли новые интересные направ-

ления, но и вскрыли новые вопросы и проблемы ведения подобных исследований – недостаток сопоставимых источников, различия в методологических подходах и интерпретациях фактов [3–5].

В подспоре исследователям в 1997–1998 гг. был создан совместный русско-американский проект «Встреча на границах» («Meeting of Frontiers») «для предоставления параллельных и взаимосвязанных повествований об американском западе и российском востоке с помощью текстовых и оцифрованных вариантов первоисточников». Сайт проекта, открытого в декабре 1999 г., периодически пополняется изображениями из коллекций редких книг, рукописей, фотографий, карт, фильмами и звукозаписями, предоставленными архивами и библиотеками обоих государств [6].

В 2004 г. появилась коллективная монография уральских историков «Азиатская Россия в геополитической в цивилизационной динамике. XVI–XX века», в которой одна из глав посвящена сравнению процессов освоения Азиатской России и США. Несмотря на это, проведение более детальных сравнительно-исторических исследований (case study) основанных на оригинальных источниках и специальной литературе, остается актуальным. Как отметили в предисловии к коллективной монографии «Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв.» Д.Я. Резун и В.А. Ла-

мин: «...теоретические параллели без специальных сравнительных исследований, имеющих конкретный характер, малоэффективны, хотя и имеют определенное теоретическое значение» [7, с. 6]. И далее, в историографическом очерке «О некоторых моментах осмысления значения фронта Сибири и Северной Америки...» Д.Я. Резун подчеркивает: «...чтобы оставаться на почве объективного анализа необходимо сравнивать аналогичные примеры на одинаковом методологическом и методическом уровне. Однако помимо этого необходимы еще аутентичные друг другу источники» [7, с. 8].

Предоставленная возможность годичной научной командировки в США позволила изучить источники и основную литературу по истории американского фермерства Среднего Запада и убедила в возможности и необходимости проведения в будущем сравнительно-исторического анализа развития сельского хозяйства Алтайской приписной деревни и Среднего Запада США в первой половине XIX в.

Несмотря на то, что социально-экономическое и политическое устройство обеих стран было принципиально разным, в первой половине XIX в. оба государства представляли собой два типа аграрных по содержанию общества. Сельское хозяйство лежало в основании экономики как России, так и США. Ключевым элементом джефферсоновской политической экономики был трудолюбивый, обладающий чувством собственного достоинства фермер. Именно он являлся действительным возделывателем земли. При всем разнообразии статуса фермера по отношению к земле, на которой он трудился (скваттер – держатель или незаконный захватчик земли, йомен – арендатор, собственник), предполагалось, что в конечном счете он станет полноправным ее собственником и как результат – уважаемым и достойным гражданином государства [8, с. 120–135]. На Алтае приписное крестьянство являлось неотъемлемой частью горнометаллургического комплекса и представляло жизненно важное звено, от которого зависела успешность функционирования производства. Крестьяне были пользователями земли, за которую они должны были платить феодальную ренту. В обоих случаях сельские труженики должны были платить либо ренту, либо налоги на землю, являясь собственниками или пользователями земли на условиях обработки.

Сравнение фермеров Старого Северо-запада США (Old Northwest, сегодня это территория Среднего Запада – Midwest) и крестьян Алтайского горного округа первой половины XIX в. видится плодотворным по ряду причин. Оба региона в это время представляли сравнительно одинаковые условия для сельских тружеников. Во-первых, огромный массив свободных земель позволял фермерам и крестьянам иметь столько земли, сколько они могли возделывать

или приобрести. Во-вторых, имелась благоприятная рыночная конъюнктура. В обоих государствах спрос на сельхозпродукцию стабильно рос. Даже без точных статистических данных о количестве зерновых на севере США в довоенный период, о спросе на пшеницу (главный предмет товарно-денежных отношений) говорят постоянные объявления. В Сибири постоянно возрастающий спрос на зерновые и фураж был со стороны горнорудной промышленности, а с появлением частных золотых приисков в 1830-х гг. спрос значительно возрос. В-третьих, правительственный контроль над жителями на удаленных западных границах США и восточных границах России был слабым; в частности, в вопросах наделения земель и регулированием продаж, контроля над владельцами. И, наконец, дефицит рабочей силы на фронтире являлся важнейшим фактором в выдвижении семейного хозяйства как наиболее оптимальной производственной единицы.

Однако, как бы ни были благоприятны условия развития – будь то фермерского или крестьянского хозяйства – неперенным, главным элементом всякого производственного процесса являются рабочие руки. Последний момент требует обращения к работкам научно-производственной школы, и в частности к понятию «семейно-трудовое хозяйство», введенное в научный оборот в начале XX в. основателем этой школы, известным отечественным исследователем А.В. Чаяновым [9, с. 53–69]. Семейный состав определял высший и низший пределы объема хозяйственной деятельности. Возможный наивысший предел объема хозяйства зависит от размера работы, которую могут дать рабочие силы при наибольшем своем использовании и напряжении. Низший объем определяется той суммой материальных благ, которая абсолютно необходима для самого факта существования семьи [10, с. 38]. Характеристики семейного хозяйства, такие как самообеспечение и самодостаточность, делали его более гибким и давали более высокий уровень приспособляемости в изменяющихся условиях. Более того, потребности хозяйства (вкуче с потребностями отдельных членов семьи) формировались условиями, в которых проживала семья, и закладывали определенный потенциал для развития крестьянского хозяйства.

Ряд американских исследователей экономики фермерского хозяйства первой половины XIX в. указывают на неоднозначность изменений, происходящих в фермерском хозяйстве этого периода. Так, Джереми Этэк в совместной с Ф. Бэйтманом монографии «На своей собственной земле: сельское хозяйство Севера до Гражданской войны» исследовал экономику с помощью количественного анализа и пришел к следующему выводу: «Сельское хозяйство было одновременно комплексным, успешным экономическим занятием, а также дви-

гательем семьи и общественной организацией, с сильной внеэкономической мотивацией». «Периодический конфликт между экономической и неэкономической целями создавал напряженность в сельскохозяйственном секторе, в особенности со второй половины XIX века, когда процессы индустриализации и урбанизации ускорились... Американские фермеры очень хотели, чтобы их фермы были процветающими, приносящими доход предприятиями, но они также считали свое занятие образом жизни независимым и психологически благоприятным» [11, с. 11–13]. В концепции «противоречащего класса», которую применяет Алан Куликов, также заложен своеобразный компромисс. Он считает, что американским фермерам были присущи черты «одновременно, и пролетариата и буржуазии». «Эта противоречивость становилась еще более отчетливой по мере распространения капиталистической экономики» [12, с. 4–5]. И, наконец, Сьюзен Грей, рассматривая поселения в центре округа Каламазу на юго-западе штата Мичиган со времени их образования в 1830-х гг. и до момента стабилизации роста населения в начале 1880-х гг., приходит к заключению, что «для американских фермеров Севера США не существовало четкой границы между миром фермы и миром капитала» [13, с. 10–14].

Таким образом, занятие сельским хозяйством, с точки зрения цитированных выше авторов, сочетает в себе элементы и натурального и капиталистического производства. Фермерское, так же как и крестьянское хозяйство алтайской приписной деревни, в первой половине XIX в. представляло собой сложный многофункциональный организм, в котором тесно переплетались экономическая, социальная, культурная и политическая функции.

По мере разрастания государственной экономики обеих стран в более сложные системы, отношения между государством и ключевым элементом этих систем – возделывателем земли – становились более рафинированными и точными. При этом диалог между фермерами и властью становился более прямым, а между крестьянами и феодальным государством – более завуалированным. Тем не менее оба варианта диалога представляют реальные сценарии активной повседневной адаптации к внешним и внутренним вызовам, которые встречали аграрии в первой половине XIX в. Каковы были ответы фермеров и крестьян на изобретательность государственных властей в тех условиях, в которых они проживали? Это главный вопрос, на который постараемся ответить в данной работе.

Цель государства – как в условиях феодализма, так и в условиях капитализма – заставить земледельцев работать усерднее, при этом как можно точнее контролировать свои ресурсы и потенциальные

доходы. В этом мы солидаризируемся с точкой зрения ведущего крестьяноведа Дж. Скотта о функциях государства и проектах по их реализации в одной из последних его работ «Благими намерениями государства. Почему и как провалились проекты улучшения условий человеческой жизни» [14].

Так, 31 июля 1813 г. Канцелярия Кольвано-Воскресенского начальства «имела разсуждение»: «...из числа ведомства заводского крестьяне некоторые нерадивые не токмо в общественной, но и даже в собственной своей пользе... не радеют о земледелии, скотоводстве и порядочном заведении для крестьянского состояния нужного... и наконец делаются несостоятельными к платежу податей и исправлению повинностей» [15, л. 8]. Алтайские власти с 1813 г. ввели систему ежегодного сбора информации о количестве убранных зерно в округе – «следить, и ежегодно пересчитывать». В том же году в селениях приписных крестьян, помимо старшин и десятников, вводились особые опекунские советы. Указ Канцелярии Кольвано-Воскресенского горно-заводского начальства от 25 августа 1813 г. предписывал «избрать в каждом селении по одному из крестьян благонадежному, в трудолюбии примерному, честного поведения человеку, которому поручить... иметь над всеми тут живущими надзирание, чтобы каждый обрабатывал земли порядочно, с прилежанием, не упуская настоящего удобного в пахоту, к посевам и снятию всякого рода хлебов времени», а «дабы и женский пол, сверх вспомоществования в полевых работах, в свободное время не находился в праздности... прилежал бы к рукоделию... то для надзора и за сим избрать в каждом селении по 2 трудолюбивых и честного поведения женщин» [15, л. 10 об.–11]. На практике опекуны занимались не столько хозяйственными, сколько бытовыми вопросами [16, с. 113]. Но некоторую помощь сельским старшинам в «приохачивании» крестьян к земледелию они все же оказывали.

Позже, в 1821 г. была введена более сложная система учета и контроля над крестьянским хозяйством – «Окладные книги», очень напоминающие американские материалы по переписи населения в разделе «Сельское хозяйство». Они содержат информацию о каждом крестьянском хозяйстве округа: имя главы хозяйства, затем поименно все души мужского пола хозяйства с указанием на родственную связь к дворохозяину и возраст. В следующих колонках приводятся сведения о количестве зерна, скота, лошадей, овец, колодок с пчелами. В последней колонке содержалась информация о повинностях, положенных в текущем году для исполнения. Вся эта информация ежегодно собиралась на протяжении 40 лет [17, с. 159–163].

Аналогичный шаг предпринимает и американское правительство. Для сбора информации о насе-

лении в 1790 г. была введена федеральная перепись, которая проводилась каждые 10 лет. Каждый последующий отчет переписчиков содержал все больше четкой и объемной информации о социально-экономическом состоянии страны. Так, в 1810 г., в связи с угрозой от эмбарго 1807 г., в отчет включили информацию о промышленных товарах; правда, отдельные таблицы для этого были созданы к федеральной переписи 1820 г. Сельское же хозяйство, несмотря на его важность для экономики, оставалось в стороне от государственного взора до 1840 г., когда оно было включено в общую таблицу «Добывающая, Аграрная промышленность, Коммерция, Мануфактура и т.п.». Начиная с седьмой переписи 1850 г., для сельского хозяйства была отведена специальная таблица. В восьмой переписи было несколько самостоятельных таблиц для свободного населения, рабов, смертности, сельского хозяйства, мануфактур и социальная статистика. В дополнение к федеральной переписи местные власти собирали данные в каждом штате по отдельности каждые 5 лет.

Следующей проблемой, с которой сталкивалось государство, были периодические переселения, усложнявшие контроль над населением территорий и механизм сбора налогов и податей. «Государство, заинтересованное главным образом в присвоении и контроле, всегда предпочтет оседлую форму сельского хозяйства пастбищному или переложному земледелию. По тем же причинам государство вообще предпочитает крупную земельную собственность мелкой и, в свою очередь, плантацию или коллективное сельское хозяйство им обеим» [14, с. 531].

Сложившаяся форма захватного землепользования в Алтайском горном округе требовала от крестьянского хозяйства постоянного освоения все новых и новых земель. Приписной крестьянин был прикреплен к земле, но это прикрепление было своеобразным. В полном смысле навечно, потомственно приписной крестьянин был прикреплен не к земельному участку, а к горному округу. Его выход за пределы заводской территории был невозможен.

В целях более действенного контроля над выполнением заводских отработок администрация ввела систему приписки крестьян к конкретному населенному пункту. Земским избам, управителям предписывалось разъяснять крестьянам, что «законами переселяться запрещено». Вместе с тем, при всех усилиях властей держать миграцию в своих руках, они постоянно сталкивались с фактами самовольных переселений. В результате внутриволостных, межволостных и межурездских миграций приписных возникли 306 новых деревень и 5 волостей: Нижне-Кулундинская, Карасукская, Верхнечумышская и Алтайская, в основном в западных

и центральных волостях округа [18, с. 20]. Особенно быстро колонизировались Кулундинская степь, южная часть округа – бассейны рек Бухтармы, Чумыша, Чарыша, которые находились в непосредственной близости от заводов и рудников; кроме того, это были наиболее плодородные земли.

Особенно интенсивными были переселения в конце XVIII – начале XIX в. Несмотря на неоднократные указы Колывано-Воскресенского горного начальства о запрещении крестьянских переселений, остановить их не могли ни крестьянские выборные, ни земские управители, ни канцелярия горного начальства. Примечательно, что переселившиеся крестьяне стремились узаконить свое проживание на новом месте. В конце 1819 г. Канцелярия горного начальства издает новый указ по поводу того, что крестьяне не перестают подавать прошения, причем уже после переезда на новое место «с объявлением, что они там уже имеют жительство или производят одно хлебопашество с некоторым домообзаводством» [19, с. 302].

Поскольку переселения были насущной потребностью крестьянского хозяйства, заводская администрация вынуждена была учитывать эту потребность и не придерживаться слишком строго позиции запрещения переселений. По мере выработки пахотных земель, в поисках лучших сенокосных угодий крестьянин мог в пределах территории, находящейся в ведении данной судной, земской изб или волостного правления, занимать и обрабатывать новые участки земли.

Не отрицая миграцию как неизбежное явление, заводская администрация стремилась держать ее в руках и даже направлять в определенные места в интересах заводского производства. Так, высочайшим указом от 22 июля 1822 г. территория горного округа могла распространяться до границ с Китаем. А кто как не крестьяне могли способствовать более успешному процессу освоения новых территорий. За первую треть XIX в. самовольно переселившимися крестьянами было основано 80 новых поселков и 134 – по указам горного начальства. Однако и эти 134 деревни были основаны по инициативе крестьян [20, с. 94–95].

Вот как описывает современник процесса заселения горнозаводских территорий, исследователь Карл Ледебур основание одной из деревень в Алтайском горном округе: «...несколько крестьян выпросили у начальства позволения поселиться там, где им нравится. Потом были определены границы нового поселения и число дворов, которые можно здесь строить. Крестьянам разрешили пожить здесь 3 года, чтобы опробовать новое место. Если бы случилось так, что, находясь здесь в течение этого времени, они решили бы, что ошиблись в выборе, увидя недостатки, которые они сначала не заметили,

им предоставлялось право оставить это место, однако такого случая еще не было» [21, с. 84].

О переселениях крестьян писал горный инженер П. Фролов в обстоятельном докладе, адресованном в Кабинет «Его Величества»: «...Оказывается, что крестьяне Кольвано-Воскресенского горного ведомства, имея не только в недостатке, но и в излишестве на прежних местах земли, вдираются в дачи ясашных и калмыков по своеволю, по единственному прихотям... по не удержанию их от того горным начальством, и по способствованию к тому воинскими чинами. Намерение оных крестьян к переселению за линию под предлогом дабы занятые жить расположением хлебопашества совершенно несправедливо; ибо крестьяне сии и там пахут не более того, как на прежних местах занимались» [22, с. 381]. Как видим, вполне правомерно расценивать подобные переселения и как протест, намеренный уход от надзора.

Во второй трети XIX в. в алтайской приписной деревне уменьшилась интенсивность миграций, приписное крестьянство переходило к освоению уже ранее заселенных мест. С начала второго десятилетия XIX в. основной тенденцией было наполнение «старых» деревень и меньшая, чем прежде, интенсивность образования новых поселений. В одном из академических трудов этот факт объясняется усилившимся контролем заводской администрации над крестьянскими переселениями в связи с передачей округа под управление Министерству финансов в 1830 г. и введением переселенческих правил в 1836 г. [23, с. 271]. Но если принять во внимание тот факт, что в первой половине XIX в. в Алтайском горном округе резко сокращаются размеры изыскательских работ и почти совершенно прекращается строительство заводов (появляется только два новых металлургических промышленных заведения: Змеевское и Гурьевское), можно предположить, что особой необходимости в переселении у крестьян не было. У крестьян отпал основной стимул миграций – быть поближе к месту заводских работ. Введение же правил переселения *post factum* было своего рода запоздалой реакцией заводской администрации, о которой писал еще дореволюционный исследователь приписной деревни И. Тыжнов: «Во все время существования крепостного права на Алтае закон здесь шел позади заводской практики; нормировалось только то, что уже вошло в жизнь, чего требовало и что составляло горнозаводское дело», а, возможно, и очередным напоминанием крестьянам об их зависимости [24, с. 1].

Схожие процессы имели место и во взаимоотношениях фермеров с властью. Американские фермеры участвовали в строительстве дорог, каналов, рубке леса и других общественных работах, и в источниках и литературе мы не встречали жалоб на

невыполнение этих работ; тогда как свидетельства о постоянных задолженностях по налогам, конфискации и продажах ферм с молотка встречаются регулярно. Фермеры-арендаторы выступали против неимоверно высокой ренты за землю, которую они обрабатывали долгое время. Земля, по истечении столь долгого пользования, воспринималась ими как собственность [25, 26].

Необходимо отметить, что нормы «обычного права» учитывались государственной властью. В частности, право приобретения земли в собственность на правах обработки на протяжении нескольких лет. Если брать уровень поселения, то защита права собственности, заработанного трудом, отстаивалась селением. По мере роста западных территорий и приобретения ими официального статуса (к примеру, штата) они были в состоянии отстаивать это право через принятие преемственных актов. В целом с 1799 по 1830 г. было принято 33 специальных преемственных актов. Хотя применение этих актов было ограничено, они подготовили почву для общих законов, действующих по всей территории страны. Первый такой закон был принят в 1830 г. По нему все поселившиеся незаконно на общественных землях до 1829 г. и уже обработавшие свои участки, т.е. вложившие труд в землю, имели первичное право. Следующие четыре закона были приняты соответственно в 1832, 1834, 1838, 1840 гг. Конгресс прощал нелегальное проживание на общественных землях и давал поселенцам преимущественное право выкупать уже обработанные ими земли, но не разрешал использование преимущественных прав на землях, которые были размежеваны. В свою очередь, поселенцы на западе для защиты своих прав активно объединялись в так называемые Заявочные клубы (на отведение участка) или скваттерские ассоциации. Первое их появление на фронтире пришлось на середину 1820-х гг., в 1830-х гг. они уже стали обыкновением и продолжали существовать еще долго после введения преимущественного закона в жизнь [11, р. 67].

Постоянные жалобы торговцев о «разгильдяйском» отношении фермеров к выплате долгов по товару на протяжении нескольких лет и выплатах вообще выливались на страницы газет в нравоучительных статьях. Так, в газете «Нью Йорк Таймс» читаем: «Фермер больше не честный йомен, главное удовлетворение которого состоит в выполнении своего долга перед страной: после сбора богатого урожая со своих полей он должен радоваться тому, сколько добра может принести этот урожай всем остальным его землякам». А вместо исполнения своего долга перед нацией он – достопочтенный фермер, по сообщениям из Мичигана, Висконсина, Огайо, Иллинойса, Миссури, «наполнив свои амбары фуражом и продуктами сада, может позволить себе

ждать лучших цен, и даже не думает о бедном лавочнике, перед которым он в долгу» [27, р. 4].

Еще одним свидетельством «безответственности» фермеров (хотя и не прямым) можно считать «Форму оценки и налоговой декларации», введенной в 1846 г. Она заполнялась ежегодно и отражала основные показатели хозяйства. Первые семь пунктов включали в себя количество и качество животных и движимого имущества: лошади, скот, мулы, ослы, овцы, свиньи, кареты, телеги и т.п., а также ценность данного имущества в денежном эквиваленте. Фермеры должны были поклясться в правильности данной информации о своем имуществе, в противном случае оценщик или сборщик округа (аудитор) был ответствен за оценку имущества самостоятельно и при этом должен был добавить 50 % к ценности, предъявленной фермером в декларации [28]. Очевидно, если бы не было случаев укрывательства фермерами реальной стоимости своего имущества, правительство не ввело бы подобную форму налоговой декларации.

Проблема задолженностей по уплате налогов отчасти была вызвана отсутствием рынков, как отмечал житель Западного Резервуара мистер П.Н. Шулер: «Налоги не были высокими, но было сложно платить их. Фермерская продукция давала очень мало прибыли. Нет рынков! Нет рынков!» Подобная ситуация была в Западном Резервуаре в большей части от того, что не было адекватной транспортной системы и выхода на восточные рынки [29, р. 49].

В Алтайском горном округе заготовки провианта и фуража были централизованы. Объем сельскохозяйственных продуктов определялся Канцелярией горного начальства, а сами заготовки производились специально назначенными для этого чиновниками. На закупку хлеба, крупы и фуража устанавливалась в пределах горного округа монополия заводов. Крестьянам запрещалась продажа провианта и фуража, закупаемых в принудительном порядке у приписных крестьян в объеме, необходимом для нужд заводов и рудников [30, с. 37].

На протяжении первой половины XIX в. потребность в хлебе возрастала. Местные военные гарнизоны, расположенные вдоль пограничной линии, ежегодно предъявляли постоянный спрос и более выгодные цены на хлеб. Однако, несмотря на запреты со стороны горного начальства, факты продажи провианта на линии были массовым явлением [19, с. 236–238]. Хотя по заверениям земских изб крестьяне провиант возят только на заводы и рудники, горному начальству было известно о продаже ими «остатого от прошлых лет хлеба... в посторонние другие ведомства места... приезжающим разного звания людям».

Конкуренцию кабинетским предприятиям в закупке продукции сельского хозяйства, начиная с 1830-х гг., создавала и бурно развивающаяся золо-

топромышленность. Из журнала Алтайского горного правления от 22 июня 1854 г. видно, что приписные крестьяне южных волостей Колывановского, Барнаульского и Бийского округов поставляли продукты сельского хозяйства на золотые рудники Попова [31, с. 154]. Горное начальство пыталось своими указами запретить крестьянам вывоз продуктов сельского хозяйства и наем на частные золотые прииски. Без предоставления специального разрешения приезжающим в селения лицам не позволяли делать какие-либо закупки, а крестьянам, соответственно, продавать. Акты купли-продажи сельским старшинам и десятникам следовало фиксировать в журнале волостного правления и ежемесячно доставлять земским управителям, а затем горному начальству. Малочисленность таких актов, а также периодически выявляемые нарушения постановлений сверху говорят о тщетности попыток горнозаводского начальства навязать свой порядок приписным крестьянам.

Несмотря на административный нажим властей, земледельцы нередко сознательно ограничивали запашку и переводили свои ресурсы в другие, трудно поддающиеся учету отрасли хозяйства. Если же земледелие было выгоднее других занятий, то крестьянин, испытывая гнет налогов, упорно старался скрыть от властей реальные размеры своих посевов и урожая. Хозяйственные показатели в этом случае занижались.

Хотя условия и исторические обстоятельства не были идентичными, стремление и мотивация к поиску выхода на рынок своей продукции у сибирских и американских сельских тружеников были одинаковыми – необходимость уплаты налогов и податей. В ситуации свободного рынка цена варьировалась и предлагалась аграриям согласно положению на рынке. В Западном Резервуаре цены на сельхозпродукцию регулировались на местных рынках и были ниже во внутренних территориях, в зависимости от доступности транспортировки к этим рынкам. Цены часто были настолько низкими, что затраты на доставку продукции на рынок равнялись цене на нее. Но необходимость уплаты налогов и страх потерять землю вынуждал фермеров мириться с подобными временными потерями. В Алтайском горном округе ценовую политику определяла Канцелярия, и цена, предъявляемая крестьянам, как правило, была ниже рыночной. Очевидно, что сельским труженикам приходилось делать выбор между продажей по низкой цене, поиском лучшей цены или удержанием продукции в ожидании повышения цены. Будучи капиталистически ориентированным, сельский труженик был заинтересован в высокой цене на свою продукцию, но как глава хозяйства, несущий ответственность за использование труда семьи, удовлетворение ее пот-

ребностей и уплату налогов, в случаях острой необходимости он, скорее, соглашался с низкой ценой.

Таким образом, в первой половине XIX в. шло активное заселение территории Старого Северо-запада или Среднего Запада США. Условием сохранения порядка на вновь заселенных территориях, защиты прав поселенцев и своеобразным страховым агентом выступало сельское общество. Государство при этом выступало в роли медиатора. Заинтересованное в регулярном поступлении доходов, интенсивном и «правильном» заселении свободных территорий, правительство США проводило планомерную земельную и налоговую политику. Земельный закон 1785 г. заложил квадратную систему межевания. С 1790 г. каждые десять лет проводится федеральная перепись. На протяжении всей первой половины XIX в. Конгресс принимает ряд законов и актов о снижении стоимости общественных земель, уменьшении площади продаваемых участков, праве первичного владения землей, финансирует строительство дорог и каналов и т.д.

Фактически тем же целям служили и крестьянская община Алтай, и крестьянское хозяйство, основанное на труде членов семьи. Политика же горных властей была направлена не только на выкачивание максимально возможных доходов из приписной деревни, но и на сохранение крестьянского хозяйства как неотъемлемой части обслуживания горнометаллургического комплекса [32, 33].

Ответные реакции на действия властей фермеров Среднего Запада и алтайских приписных крестьян в первой половине XIX в. по форме и содержанию не всегда были идентичны. Фермерское хозяйство в условиях воздействия ростовщического капитала и развивающейся рыночной экономики и приписное крестьянское хозяйство, вписанное в условия функционирования горнометаллургического производства, по существу, руководствовались в своих действиях мерой справедливости, которая основывалась на труде и праве жить достойно.

Поступила в редакцию 28.09.2006

Литература и источники

1. Аграрная эволюция России и США в XIX – нач. XX вв. М., 2001.
2. Kolchin P. Unfree Labor. American Slavery and Russian Serfdom. The Belknap Press of Harvard University Press. Cambridge, Massachusetts and London, 1987.
3. Американские исследования в Сибири. Американский и сибирский фронт: Мат-лы междунар. науч. конф. «Американский и сибирский фронт (фактор границы в американской и сибирской истории)». 4–6 октября 1996 г. Томск, 1997. Вып. 2.
4. Фронт в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв.: общее и особенное. Новосибирск, 2002. Вып. 2.
5. Фронт в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв.: общее и особенное. Новосибирск, 2003. Вып. 3.
6. «Встреча на границах». <<http://frontiers.loc.gov/>>.
7. Резун Д.Я., Ламин В.А., Мамсик Т.С., Шиловский М.В. Фронт в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв.: общее и особенное. Новосибирск, 2001.
8. MacCoy Drew R. The Elusive Republic: Political economy in Jeffersonian America. The University of North Carolina Press, 1980.
9. Chayanov A.V. «Peasant farm organization». The theory of peasant economy. Madison: The University of Wisconsin Press, 1986.
10. Чаянов А.В. Крестьянское хозяйство. М., 1989.
11. Atack J., Bateman F. To Their Own Soil: Agriculture in the Antebellum North. Ames: Iowa State University Press, 1987.
12. Kulikoff A. The agrarian origins of American capitalism. Charlottesville: University Press of Virginia, 1992.
13. Gray Susan E. The Yankee West: Community Life on the Michigan Frontier. Chapel Hill and London: The University of North Carolina Press, 1996.
14. Скотт Дж. Благими намерениями государства. Почему и как провалились проекты улучшения условий человеческой жизни / Пер. с англ. Э.Н. Гусинского, Ю.И. Турчаниновой. М., 2005.
15. Центр хранения архивных фондов Алтайского края. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1500.
16. Миненко Н.А. Русская крестьянская община в Западной Сибири (XVIII – первая половина XIX вв.). Новосибирск, 1991.
17. Бояршинова З.Я. Окладные книги как массовый источник по истории приписного крестьянства Алтайского горного округа // Древнерусская рукописная книга и ее бытование в Сибири. Новосибирск, 1982.
18. Русаков К.В. Хозяйственное освоение Алтая приписным крестьянством в 1795–1861 гг. // Участие крестьянства в освоении восточных окраин (кон. XVI – нач. XX вв.). Новосибирск, 1990.
19. Жеравина А.Н. Приписные крестьяне Кольвано-Воскресенских и Нерченских заводов в 1747–1861 гг. (К проблеме частно-феодального землевладения на кабинетских землях в Сибири): Дис. ... д-ра ист. наук. Томск, 1988.
20. Русаков К.В. Миграции приписного крестьянства в Кольвано-Воскресенском (Алтайском) горном округе в первые три десятилетия XIX в. // Барнаулу 250 лет: Тез. докл. и сообщ. к науч. конф. Барнаул, 1980.
21. Ледебур К.Ф., Бунге А.А., Мейер К.А. Путешествие по Алтайским горам и Джунгарской Киргизской степи в 1826 г. Новосибирск, 1993. Т. 1–2.

22. Сатлаев Ф.А. Колонизация предгорного Алтая в первой половине XIX в. // Вопросы истории Сибири досоветского периода. Бахрушинские чтения. 1969 г. Новосибирск, 1973.
23. Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. Новосибирск, 1982.
24. Тыжнов И.И. Из истории горнозаводского населения на Алтае: Материалы для истории крепостного права в Сибири // Алтайский сборник. Барнаул, 1907.
25. Bruegel M. Unrest: Manorial Society and the Market in the Hudson Valley, 1780–1850 // The Journal of American History. Vol. 82, Mar. 1996, No. 4: 1393–1424.
26. Gates P.W. Landlords and Tenants on the Prairie Frontier: Studies in American Land Policy. Ithaca: Cornell University Press, 1973.
27. Defaulting farmers // New York Times. 1857. October 28.
28. John H. Mathews (1785–1862). MS 3891. C. 1. F. 31. Tax Statements, 1846–1859 // The Western Reserve Historical Society, Cleveland, OH.
29. Pautz W.C. The Social and Economic Beginnings of the Western Reserve. Manuscript // The Western Reserve Historical Society Library.
30. Лукичев С.С. О поставках приписных крестьян Колывано-Воскресенского (Алтайского) горного округа провианта и фуража для заводов и рудников // Вопросы истории Сибири. Томск, 1967. Вып. 3.
31. Карпенко З.Г. Горная и металлургическая промышленность Западной Сибири в 1700–1860 гг. Новосибирск, 1967.
32. Шкуркина В.К. Крестьянство как релевантный фактор политики Кабинета первой половины XIX века // Вторая Сибирская школа молодого ученого. Томск, 2000.
33. Шкуркина В.К. Социально-экономическая адаптация алтайского крестьянства к условиям приписки на протяжении первой половины XIX века // V Общерос. межвуз. конф. студ., аспирант. и молодых ученых «Наука и образование». Томск, 2003. Т. 4.

УДК 94/99

В.Т. Юнгблюд

ОТ ЛИГИ НАЦИЙ К «СИСТЕМЕ ВСЕОБЩЕЙ БЕЗОПАСНОСТИ»: ИДЕИ ОРГАНИЗАЦИИ МИРОВОГО СООБЩЕСТВА В ВОЗЗРЕНИЯХ Ф.Д. РУЗВЕЛЬТА, 1918–1941 ГОДЫ

Вятский государственный гуманитарный университет

По меньшей мере две вехи обозначили влияние Соединенных Штатов на развитие социально-экономических, политических и международных процессов в мире в середине XX в.: «новый курс» Ф.Д. Рузвельта и участие в создании на исходе Второй мировой войны Организации Объединенных Наций. Если значение «нового курса» как события, заложившего фундаментальные основы «кардинальных преобразований» [1, с. 31–32] в США и во многих государствах Запада, в настоящее время можно считать в основном общепризнанным, то в изучении теоретических и практических аспектов внешнеполитической деятельности Рузвельта сохраняются дискуссионные проблемы. Контраст между инертной политикой нейтралитета 1930-х гг. и решительным интервенционизмом в годы войны не раз служил поводом для критики президента. Его обвиняли в оппортунизме, беспринципности и лицемерии¹, эклектичности воззрений и склонности к спонтанным импровизациям (см., напр.: [5]). Среди почитателей Рузвельта порой на-

блюдалась другая крайность – упрощение его внешнеполитической программы вплоть до попыток вписать ее в рамки одной единственной политической парадигмы².

В настоящей статье рассматриваются воззрения Ф.Д. Рузвельта под углом зрения эволюции его взглядов на способы обеспечения мира и безопасности через всемирную организацию. Это необходимо для выяснения степени преемственности (или прерывности) основных положений его концепции миропорядка в предвоенные годы; для уточнения позиции Рузвельта в «великих дебатах» 1930-х гг. между изоляционистами и интервенционистами, с одной стороны, и между идеалистами и реалистами, с другой стороны; наконец, для более полного понимания масштабов и характера вклада президента в теорию и практику международных отношений межвоенного времени.

На заре политической карьеры Рузвельт познакомился с популярными в начале XX в. идеями А. Мэхена и Т. Рузвельта. Однако увлечение оказа-

¹ Историки ревизионистского направления (Ч. Бирд, Ч. Тэнзил и др.) в этом отношении были особенно продуктивны (см.: [2–4]).

² Обозначить указанные крайности можно, с одной стороны, работой Фрэнка Донована [6], безоговорочно причисляющего Рузвельта к либерально-идеалистическому (или либерально-вильсонистскому) направлению во внешней политике, позицией современных историков Д. Бринкли и Т. Хупса [7], доказывающих, что в 30-е гг. Рузвельт полностью отошел от вильсонизма и стал «реалистом».